

- Одесской области УССР // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. — М., 1979.
20. И в а н о в а Ю. В. Греческие этнические группы в СССР // Расы и народы. — 1988. Вып. 18.
 21. И в а н о в а Ю. В. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей // по материалам исследования греческого населения Донецкой области УССР // СЭ. — 1976. — № 2.
 22. Р о с л а в ц е в а Л. И. Следы византийского влияния в культуре крымских татар XIX—XX вв. (на примере тканей, вышивок, деталей костюма и характера проведения свадебного обряда) // Сб. докл. конференц. «Проблемы истории Крыма» 23—28 сент. 1991 г. — В печати.
 23. Н а р о д ы Р о с с и и. Этнографические очерки. Спб. — 1880. — Т. 2.
 24. Р а д д е Г. Крымские татары // Вестник Русского географического общества. — 1856. — Ч. XVIII.
 25. З е л е н ч у к В. С., К а л а ш н и к о в а Н. М. Одежда населения Молдавии XV—XIX вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. — М., 1986.
 26. Д е р ж а в и н Н. С. Болгарские колонии в России. — София, 1914.
 27. К о н д а р а к и В. Х. Универсальное описание Крыма. — СПб., 1875. — Ч. 8.
 28. Т и м о ш е в с к и й Г. И. Основание г. Мариуполя и некоторые данные к его истории // Мариуполь и его окрестности. — Мариуполь, 1892.
 29. Г е р м о г е н. Таврическая епархия. — Псков, 1887.
 30. Д о м б р о в с к и й Фр. Очерк хозяйственного быта татар степной полосы Крыма // Записки общества сельского хозяйства Южной России. — 1850. — № 8.
 31. Щ е п е т о в В. А. Описание татар Южного берега Крыма. — СПб., 1886.
 32. Секреты крымчакской кухни. — Симферополь, 1990.
 33. К а я И. Крымчаки. Этнографический очерк // Еврейская старина. — 1916. — Т. 9.
 34. Р а д д е Г. Крымские татары // Вестник Русского географического общества. — 1857. — Ч. XIX.
 35. К е д р и н И. Хозяйственные очерки Крыма // ЖМГИм. — 1848. — Ч. XXVI.
 36. К а з а н с к и й К. К. Определение составных частей бузы и место ее в ряду спиртных напитков. — Спб., 1890.
 37. Д м и т р и е в с к и й М. Картина Крыма или краткое описание татар и других народов в Таврии живущих... — Рукописный отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Фонд Н. М. Михайловского, Q 393.
 38. Ш и л ь т б е р г е р И. Путешествия И. Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. // Записки Новороссийского ун-та. — Одесса, 1867. Т. I. — Вып. 1—2.
 39. М а р к о в С. И. Заметки о быте греков г. Мариуполя // Мариуполь и его окрестности. — Мариуполь, 1892.
 40. Б р а у н Ф. Мариупольские греки // Живая старина. — 1891. Вып. 2.
 41. П о р о х о в П. О состоянии скотоводства в Мариупольском округе // Записки общества сельского хозяйства Южной России. — 1848. — № 7.
 42. В а с ю к о в С. И. Крым и горные татары. Спб., 1904.
 43. А н д р и е в с к и й А. Крым и крымские татары. — Киев, 1892.
 44. R a c h u m e r i s G e o r g i. De Michaele palacologo. V. 4. — Bonn, 1.
 45. И в а н о в а Ю. В. Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. — М., 1982. — Вып. 7.

И. В. АЧКИНАЗИ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КРЫМЧАКОВ

Погребальный обряд крымчаков — небольшой этно-конфессиональной группы, сформировавшейся в Крыму в средневековый период, не вызывал интереса у исследователей, обращавшихся к вопросам их этнографии и этнической истории (1; 2). Описание этого обряда, сделанное автором по рассказам различных информаторов*, а также проведенные им в 1990 г. археологические раскопки на Карасубазарском национальном кладбище**, позволяют ввести в научный оборот этот новый источник по этнической истории крымчаков.

Прежде всего необходимо отметить, что вопрос этнической атрибуции крымчаков имеет определенные тенденции, накопленные как до-

революционной, так и советской историографией (1, 2). Иудейское вероисповедание крым-

*Автор благодарит Б. М. Ачкинази, М. М. Бакши, Х. М. Хафуза и других за предоставленную информацию, а также Правление культурно-просветительного общества крымчаков «Кърымчахлар» за оказанное содействие при подготовке работы.

**По письменным источникам (3, с. 63) крымчаки поселились в Карасубазаре в конце XV — начале XVI вв., куда переселилась часть крымчакской общины Каффы (совр. Феодосия) и Солхата (совр. Старый Крым).

чаков, хотя и во многом отличающееся от ашкеназийского и сефардского ритуалов, позволяло некоторым авторам априорно соединять конфессиональное с этническим, а потому считать крымчаков евреями, выделяя их в отдельную этнографическую группу (4, 5, 6). Из этого следовало, что строгое соблюдение талмудических установок, характерное для евреев средневековья и нового времени, было неизбежно и для крымчаков. Однако, уже первый исследователь крымчакской этнографии П. М. Лякуб в середине XIX в. отмечал то обстоятельство, что крымчаки далеки от Талмуда (7, с. 204). Большинство последующих авторов оставляли это соображение без внимания.

Действительно, некоторые черты иудейской религиозной обрядности имеются в крымчакских погребальных ритуалах, однако насколько они совпадают с еврейскими — это тема для отдельного исследования.

В этой работе впервые в крымчакской этнографии этнографические сведения, полученные от информаторов, подкреплены данными археологических исследований погребальных сооружений и погребального обряда крымчакского кладбища Карасубазара.

Основные функции по исполнению погребального обряда в крымчакской общине выполняло погребальное братство «Хевра акодеш». Вероятно, при равном представительстве полов оно состояло из 14—20 человек под руководством старосты — «хевра габая». Со смертью одного из членов «Хевра акодеш», его замещал другой пожилой человек по собственному желанию. Представители «Хевра акодеш» пользовались большим почетом. Они были обязательными гостями при проведении всех прочих обрядов и праздников, для них устраивалось ритуальное сладкое застолье, предвещавшее различные семейные торжества, при этом в ритуал входило наделение хевра подарками. Выполнение обязанности хевра было пожизненным. Функции мужской и женской частей «Хевра акодеш» отличались незначительно: женщины не принимали участия в сооружении могилы и погребении, находясь в это время вдали от кладбища. Их обязанности — омовение покойницы, кройка и шитье погребальных одежд.

Важной особенностью крымчакской обрядности, связанной со смертью и погребальным ритуалом, был обряд символического отпевания и кройки погребальных одежд еще при жизни человека, по достижении им определенного возраста. В конце 50-х гг. нашего века обряд символической подготовки к похоронам — «Кефенлик бечмек» — был проведен в Симферополе Х. И. Хафузом (1915 год рождения) для своих родителей в год их золотой свадьбы. Описание обряда мною сделано со слов Х. И. Хафуза в мае 1991 г.

День исполнения «Кефенлик бечмек» был

избран произвольно по рекомендации крымчакского «ребы»*. Были приглашены «Хевра акодеш». На разостланном посреди комнаты ковре лег отец Х. И. Хафуза, вокруг него сели члены погребального братства, ребы, пожилые крымчаки и родственники. Они начали читать молитвы, соответствующие обычному ритуалу. Женщины «хевра» измерили символического отпеваемого и начали кроить из белого полотна погребальные одежды: штаны, рубаху, колпак и подушечку (рис. 1). Молитвы сменялись ритуальными песнями, а также другими, вовсе не соответствующими традиционному ритуалу, но которые просил исполнить «покойный». Песни сменялись забавными историями из жизни отпеваемого, причем он сам принимал активное участие в разговоре. Выкроенный саван положили в узелок — «бохча», туда же поместили мыло, нитки, иголки, одеколон, бутылку водки, новую простыню, два метра тюля и 40—50 штук носовых платков. Под ритуальную похоронную песню узелок завязали. Затем мужчины прочитали поминальную молитву «Кадиш». После того как ритуал был закончен и узелок спрятан на хранение, то же повторилось и в отношении матери. Обряд завершился сладким столом для «Хевра акодеш», во время их трапезы все члены семьи Хафуза и родственники сделали им подарки. Когда церемония угощения была закончена, приступили к празднованию золотой свадьбы родителей.

Когда в крымчакской общине кто-то умирал, то первыми оповещались «Хевра габай» и «Хевра акодеш». Придя в дом покойного, они приносили с собой инвентарь, необходимый для совершения обряда. К нему относились сосуды для омовения тела, среди которых один — глиняный двуручный, типа корчаги на 2—3 литра — покупался специально; «мита» — широкая доска, окованная листовым железом и являвшаяся ложем для тела во время омовения; парусиновая палатка. Все эти предметы хранились в специальной комнате крымчакского «Къаал»**. Если саван для покойного не был заготовлен заблаговременно при «Кефенлик бечмек», то часть «Хевра акодеш» приступала к кройке и шитью савана, другая часть готовила умершего к обмыванию.

Обряд обмывания покойника

В центре двора ставилась палатка, под которой копалась неглубокая до 0,3—0,4 м прямоугольная яма — «чукур». Над ямой устанавливалась «мита», на которую клали обнаженное тело покойного. Вода для обмывания бралась комнатной температуры, но никогда не

*Крымчакский раввин.

**С др. еврейского — община (соответствует синагоге).

подогревалась на огне. При мытье моющие средства не употреблялись, тело не обтирали — оно должно было высохнуть. Вода стекала в яму под «митой». По окончании обмывания в изголовье покойного разбивали тот глиняный сосуд, из которого на него лили воду, а осколки бросали в «чукур». Затем яма тщательно засыпалась. Здесь же в палатке тело обряжали в саван.

Обряд обряжения покойного

Погребальные одежды были одинаковы для мужчин и женщин. Они состояли из трех частей: штанов типа современных ползунков — без отверстий для ступней ног, рубашки с защитными рукавами, колпака с двумя тесемками для завязывания, полностью закрывавшего голову и шею покойного (рис. 1). Кроме этих предметов кроилась небольшая подушечка без набивки — «топрах ястыхы». Саван изготавливался только вручную*. Членам семьи покойного давался небольшой кусочек полотна, из которого изготавливался саван — «кефенлик» — на память. Умершего обряжали в эти одежды, после чего его клали в деревянный ящик «табут» с ручками для переноски покойного и переносили в дом. По обычаю, покойный должен быть погребен на следующий день после смерти.

Умершего же в пятницу хоронили в воскресенье, так как согласно иудейским установлениям хоронить в субботу нельзя. Ночь перед похоронами его тело должно было оплакиваться в доме.

Ночь перед похоронами

После обмывания и обряжения тело покойного в табуте переносилось в дом. Его вынимали из табута и клали на ковер, расстеленный посреди комнаты. Вокруг садились родственники и друзья покойного. В продолжении ночи покойного оплакивали — пели погребальные песни. Сидение близких над телом покойного называлось «авель атурмах».

Оповещение общины о покойнике

«Хевра габай» приходил в Къаал перед началом утренней молитвы и сообщал ребы об умершем. За входной дверью Къаала выставлялись лопата и кирка. Пришедшие на молитву узнавали по значению этих символов об умершем в общине. По окончании молитвы служка Къаала — «шамаш» оповещал собравшихся о смерти члена общины и времени похорон.

Вынос тела из дома

После прощания с покойником в доме тело кладут в табут, под который заложено два длин-

ных полотенец. Четыре человека, не состоящие в родстве с покойным, берутся за концы полотенец и выносят табут с покойным головой вперед во двор. Табут устанавливается во дворе, где прощание с умершим продолжается. Над ним читается молитва «Кадиш». Затем всех присутствующих на похоронах обходят с общественной кассой — «къумбара» для сбора денег, которые использовались для похорон беднейших членов общины. В назначенное время покойного в табуте выносили головой вперед со двора на улицу. Ворота оставались открытыми до прихода хоронивших с кладбища.

Похоронная процессия в Карасубазаре

Похоронная процессия направлялась к кладбищу по улицам Карасубазара. Ее путь проходил по ремесленному кварталу. И находившиеся здесь мужчины, желавшие принять участие в похоронах, должны были сменить несущих табут, хотя бы на несколько метров пути. По дороге похоронная процессия входила во двор Къаала и оставалась там некоторое время для чтения заупокойной молитвы, причем самой главной молитвой была молитва сына покойного, которого начинали обучать произносить ее с пятилетнего возраста. После этого процессия продолжала свой путь по дороге к кладбищу, которое размещалось на более высоком правом берегу реки Кара-су. При подходе к мосту мужчины, не желавшие принимать участие в погребальном ритуале, и все без исключения женщины оставались на берегу реки, совершая ритуальное омовение рук и лица (обтирать руки и лицо запрещалось). Остальная часть процессии переходила через реку и направлялась к воротам кладбища с пением погребального гимна «Шохне багу», посвященного древнему тюркскому богу Тангры**. Табут с телом разворачивали ногами вперед и вносили на кладбище.

Погребальный ритуал

У свежевырытой могилы процессию ждали «Хевра габай» и мужчины погребального братства.

Погребальное сооружение (рис. 3)

Грунтовая могила с заплечиками подпрямоугольной формы длиной до 2 м, шириной до 1,2 м ориентирована в направлении север-юг. Ее глубина до ступенек-заплечиков 1,5—1,6 м. Глубина от заплечиков до 0,4 м, при ширине 0,5—0,7 м***.

**Текст гимна и комментарии к нему будут опубликованы отдельно.

***Запись со словесным описанием крымчакского погребального сооружения сделана за несколько месяцев до проведения раскопок.

*Иглы для шитья погребальных одежд делали не из металла. Позже эта традиция была забыта.

Погребение

Табут с телом покойного ставился у края могилы с соблюдением ориентации умершего головой на север. Над покойным читались заупокойные молитвы. Затем близкие родственники, прощаясь с телом, целовали его правую руку, произнося при этом: «мичва михля» (покойный прости). По окончании этой процедуры два человека из погребального братства спускаются в могилу и становятся на заплечики, двое других вынимают умершего из табута — табут немедленно переворачивают кверху дном — и подают тело стоящим в могиле, которые укладывают его в узкую могильную яму в вытянутом положении — руки вдоль туловища, головой на север. В могиле остается один хевра, который начинает укладывать на заплечики, поперек ямы, досточки, сооружая над умершим свод в направлении от его ног к голове. В это время «Хевра габай» наполняет землей подушку. При этом он берет землю выкида из могилы тыльной стороной ладони трижды, после чего насыпает некоторое количество земли ладонью и прокручивает наволочку так, что она собирается в толстый жгут. Эту подушку — «топрах ястыхы» — он передает хевра, находящемуся в могильной яме, и тот со словами «мичва михля» приподнимает голову покойного и кладет под нее топрах ястыхы. После этого он, приговаривая «мичва михля», поднимает колпак савана и открывает лицо покойного*. Взяв цепотку земли хевра посыпает ее на веки умершего, затем, надвинув колпак до уровня плеч, завязывает его тесемки. После этого укладывают последние доски, закрывающие узкую часть могилы. После выхода хевра из могилы ближайшие родственники умершего набирают землю тыльной стороной ладони и бросают в могилу три раза. За ними это предельвают все присутствующие. Лопаты лежат у могилы тыльной стороной вверх. Закапывающие могилу имеют право передавать лопату только после того, как она будет положена тыльной стороной ввѣрх. Над могилой насыпался холмик, в изголовье ставилась табличка с надписью о покойном.

Поминание на кладбище

При выходе, с внутренней стороны кладбища, находилось небольшое строение с прямоугольной комнатой. В ней стоял длинный стол и скамьи. Во время похорон на стол выставлялись водка или виноградное вино — «шарап», стаканы, поминальные круто запеченные яйца —

*Обычно лицо покойного было закрыто колпаком — «юзу къзармасын» — («чтоб лицо не покраснело»; идиома — чтобы не было стыдно.), но для родственников разрешалось приоткрывать лицо на короткое время.

«амин ямырта», солонки, в которых находилась смесь соли с перцем, пирожки «чочѣ», кисеты с табаком. Во главе стола помещались те же предметы, предназначенные для умершего. Здесь после молитвы поминали покойного. Яйца — «амин ямырта» — разламывали пополам, посыпали смесью соли с перцем.

Выход с кладбища

При выходе с кладбища к близким родственникам покойного подходил ребы, держа нож в левой руке за лезвие, и подрезал им край воротников одежды.

Поминки в доме покойного

Похоронная процессия возвращалась в дом покойного, куда родственники, живущие вне этого дома, приносили приготовленную еду. Поминальный обед — «авель аши» начинался «Берахой».

«Бераха» — благословение.

На низкий столик — «софра» — ставилась стопка виноградной водки. Вокруг столика расаживались мужчины — близкие родственники умершего, члены «Хевра акадеш» и ребы. Ребы читал молитву, за ней «кадиш» и делал небольшой глоток, передавая стопку сидящему слева от него, который пригублял и передавал ее следующему. Когда сосуд приходил к ребы, бераха считалась законченной.

«Авель аши» (траурная еда)

В разных комнатах дома умершего накрывались столы — отдельно для мужчин и для женщин. Еду приносили с собой близкие родственники покойного, так как готовить в доме умершего было запрещено. Обязательными были поминальные яйца — «амин ямырта», круто запеченные в печи. Разломанные пополам и посыпанные солью с перцем, они подавались присутствующим. На мужской стол, кроме еды, ставилось виноградное вино, которое выпивалось в небольшом количестве. «Авель аши» продолжался 6 дней и начинался ежевечерне с первой звездой. В эти дни еду в дом приносили близкие родственники.

Установления для домочадцев покойного

В течение семи дней со дня смерти ближайшие родственники покойного не покидали дома, где они сидели на полу; мужчины не брились, не стригли волос и ногтей, не меняли одежду.

Тъкун — поминальная трезна

На седьмой день со дня смерти в доме покойного делались поминки — тъкун. Пища готовилась здесь же. Она была представлена традиционными мясными крымчакскими блюдами: кубетъ, пастель, чоче и др. (8), овощами и соленьями, а также виноградной водкой. В

качестве обязательного сладкого блюда была «кара алва» (черная халва). Мужчинам подавался черный кофе, женщинам — «арле» — напиток из ржаной муки (8, с. 71). Тькуны отчитывались со дня смерти и проводились через 7 дней, 30 дней и 11 месяцев.

«Джан ягы койляй» — масло ради души

Через неделю после похорон в пятницу — «айни куну» — женщины-родственницы умершего(-шей) приходили в Къаал и брали у служки — «шамаша» специальное лампадное масло. Его заливали в лампадку с приговором: «Балларна дува эт, хасталамасын, саглык вер» — «помолись за всех оставшихся, попроси здоровья для детей и близких».

«Кефенлик» (лоскуток)

При кройке савана от полотна отрезался лоскуток — «кефенлик», который оставался у близких и хранился ими как реликвия в память о покойном.

Недавно нам представилась возможность проверить некоторые данные информаторов о погребальном обряде крымчаков. В 1991 г. в Белогорске (бывш. Карасубазаре) местные власти передали под застройку территорию бывшего крымчаковского кладбища. Однако начавшееся строительство удалось остановить, а на разрушенном участке провести охранные археологические раскопки.

Крымчаковское кладбище («Кърымчахлар мезарлыхы») Карасубазара располагалось на возвышенности правого берега реки Кара-су, почти напротив Крымчаковской слободки. В годы Великой Отечественной войны крымчаки города Карасубазара, оставшиеся на оккупированной территории, были уничтожены фашистами. В 1946 г. с кладбища, лишённого присмотра, были сняты все, за исключением одного, надгробные камни и ограда. Они были использованы при строительстве бывших воинских складов по ул. Горького, 5. В шестидесятых годах территория кладбища несколько раз подвергалась плантажной распашке, а по крутому берегу реки были нарезаны террасы, одна из которых почти полностью уничтожила западную ограду кладбища.

В ходе раскопок на площади более 500 кв. м было исследовано 35 могил. Был выявлен единый погребальный обряд и форма могильного сооружения (рис. 1). Приведем описание могилы № 31 как наиболее сохранившейся (9, с. 17—18).

«Подпрямоугольная могила с заплечиками, ориентированная с С-СЗ направлении... Размеры: длина могильной ямы — 1,68 м; при ширине от заплечиков — северного края — 0,58 м, южного — 0,44 м. Сохранилась на глубину* 0,64

м. Заплечики вдоль восточной и западной стенок шириной до 0,1 м. Ширина на уровне заплечиков: северного края — 0,4 м, южного — 0,33 м. В разрезе могильная яма несколько расширялась ко дну.

На дне могильной ямы — скелет взрослого человека, похороненного в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, ориентированного головой на С-СЗ.

На уровне заплечиков зафиксировано деревянное перекрытие могилы. Оно представляло настил из четырех досок, сбитых тремя поперечными, проложенный вдоль могилы на заплечиках**.

По имеющимся сведениям подобный обряд захоронения бытовал и в Симферопольской крымчаковской общине до 40-х гг. нашего века.

Один из информаторов, старожил Карасубазара, крымчак А. Я. Мангули сообщил о том, что в конце 60-х гг. после очередной плантажной вспашки территории кладбища его сыном были найдены фрагменты пергаментных рукописей, написанные квадратным еврейским письмом***. Однако они не были сохранены. Эта информация подтверждается установлением иудаизма хоронить вышедшие из употребления духовные книги либо на кладбище, либо в специальном хранилище-генизе (10, с. 150), а также свидетельством крымчака С. М. Валита, рассказавшего о захоронении в начале 20-х гг. «...целого сундука старых книг и рукописей недалеко от ворот у стены с внутренней стороны кладбища».

К сожалению, сегодня практически невозможно определить самый древний участок кладбища, о котором в памяти старейших карасубазарских крымчаков сохранилось воспоминание, связанное в интересном обрядом. В день поминовения усопших — «Нам куну» — старейшины общины выводили крымчаков к кладбищу и давали нескольким мальчикам клубок ниток, расставив детей на указанные им места. Растянутая нить ограничивала площадь древнего участка, на котором общинники и проводили тризну по своим усопшим. Этот обычай сохранялся до 30-х гг. Возможно, древний участок находился на части территории современной застройки, примыкающей к кладбищу, что подтверждается информацией старожилков об обнаружении там человеческих захоронений.

Еще один вопрос, связанный с карасубазарским кладбищем, представляется нам заслуживающим внимания. По свидетельству инфор-

**В нескольких могилах обнаружены доски от перекрытия, уложенные поперек могилы, как в описании информаторов.

***Крымчаки использовали еврейский алфавит для квадратного письма, приспособив их для крымчаковского языка (11, с. 326).

*От современной дневной поверхности.

маторов, проживающих в Карасубазаре до Великой Отечественной войны, на большей части мужских надгробий кладбища были изображены предметы, свидетельствующие о занятиях усопшего: молоток — у сапожника, ножницы — у жестянщика, коλλαп — у шапочника, однако нигде в литературе никаких упоминаний об этом нет. Это представляется странным еще и потому, что в конце XIX — начале XX вв. в связи с вопросом о датировке надгробий Чуфут-кале и Мангупа и деятельности А. Ш. Фирковича Карасубазарскую общину крымчаков посетили Э. Дейнард (12), Д. А. Хвольсон (13, с. 182 и сл.), А. Я. Гаркави (13, с. 189), Гидалевиц А. Я. (14, с. 152—157). Зная о поселении крымчаков в Карасубазаре в конце XV в., они не обратили внимания на кладбище и его надгробия, хранившие образцы письменности и форму надмогильных сооружений этого периода...

Полученные в ходе археологических исследований антропологические материалы после соответствующего изучения специалистами дадут новые данные по этнической истории крымчаков. О необходимости такого исследования писал в 70-е гг. XIX в. академик А. Куник (15, с. 60).

В целом же сообщения информаторов, археологические раскопки, выявившие особый тип крымчаковского могильного сооружения, отличного от подобных сооружений других народов, проживавших в Крыму в средневековый период, позволяют начать поиск более ранних могильников крымчаков в пунктах их расселения, известных по письменным источникам. В результате этих исследований могут быть получены новые важные материалы по этнической истории крымчаков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. А ч к и н а з и И. В. К вопросу об этногенезе крымчаков в советской историографии // Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. — Симферополь, 1990. — Вып. 1.
2. А ч к и н а з и И. В. Крымчаки. Историко-графический обзор по публикации XIX — нач. XX вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. — Симферополь, 1992. — Вып. 2.
3. Ф а р ф е л ь И. Г. Древняя еврейская синагога, найденная в городе Феодосии. — Феодосия, 1918.
4. Ч е р н и н В. Ю. О появлении этнонима «крымчак» и понятия «крымчаковский язык» // География и культура этнографических групп татар в СССР. — М., 1983.
5. К о т л е р И. Б. Фамилии крымчаков как источники их этнической истории // Малые и дисперсные группы в Европейской части СССР. — М., 1985.
6. К у п о в е ц к и й М. С. К этнической истории крымчаков // Этноконтактные зоны в Европейской зоне СССР (география, динамика, методы изучения). — М., 1989.
7. Л я к у б П. М. Крымчаки // Рассвет. Орган русских евреев. — Одесса, 1860. — № 13.
8. Л е в и Р. А., Т р е в г о д а Т. И., П у р и м Л. М. Секреты крымчаковской кухни. — Симферополь, 1990.
9. А ч к и н а з и И. В. Отчет об охранных археологических исследованиях в городах Белогорске и Феодосии Крымской области в 1990 г. — Симферополь, 1991.
10. К о к о в ц е в П. К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке // ЖМНП. — 1913, ноябрь.
11. Л е б е д е в В. В. Еврейская средневековая рукописная книга // Культура народов Востока. Очерки. — Кн. 1. — М., 1987.
12. Д е й н а р д Э. Масса Крым. — Варшава, 1878.
13. Х в о л ь с о н Д. А. Сборник еврейских надписей. — СПб., 1884.
14. Г а д и л е в и ч А. Я. Футляр для торы из синагоги крымчаковской общины в Карасубазаре // ИТУАК. Симферополь, 1916. — № 53.
15. К у н и к А. Тохтамыш и Фиркович // Приложение к 27 тому Записок императорской академии наук. СПб., 1876.

XV. Погребальный обряд крымчаков

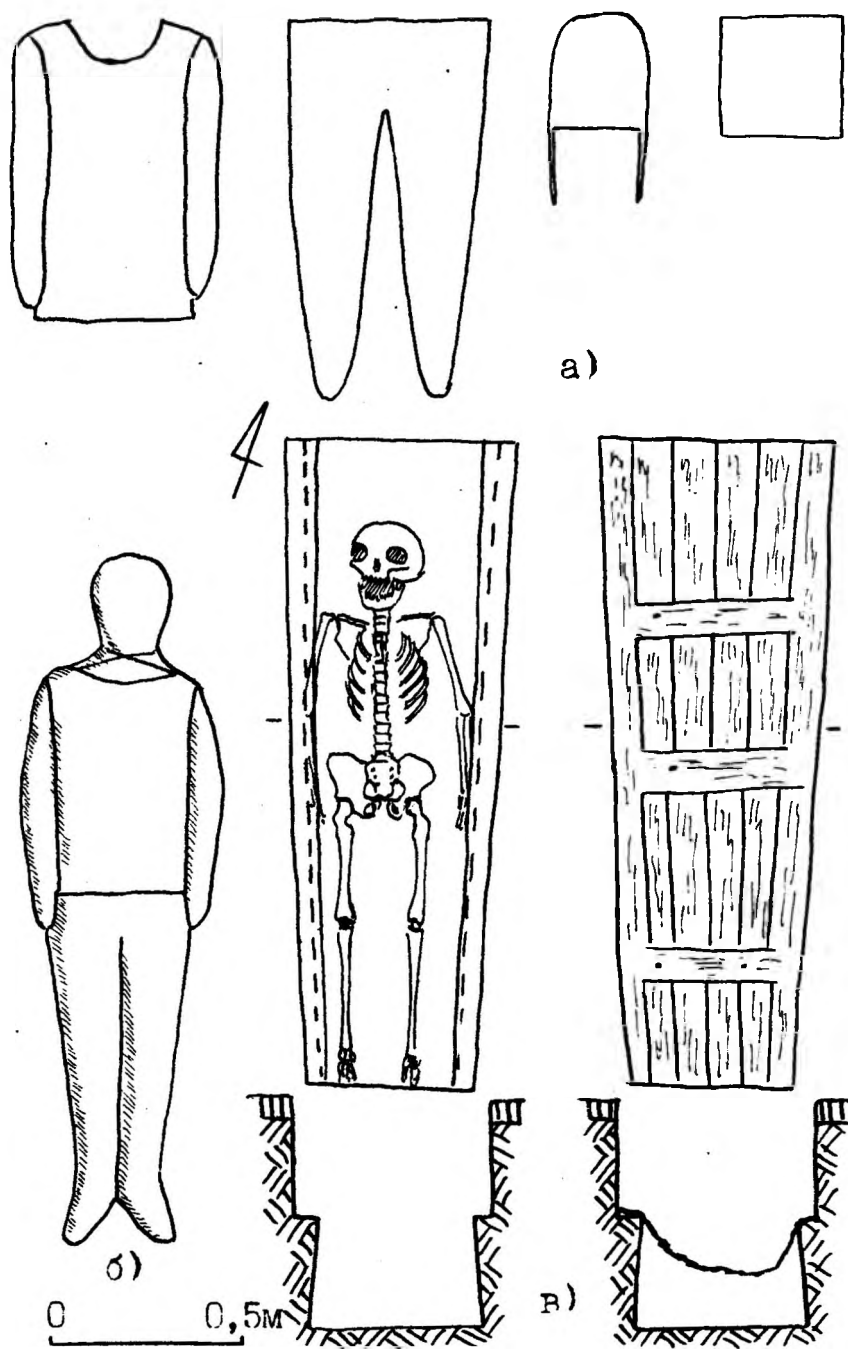


Рис. 1 а) погребальные одежды и наволочка — подушка, б) расположение погребальных одежд на умершем, в) могила № 31 с деревянным перекрытием и разрезы.